

УДК 82.0

**ОТЗВУКИ «ГОРЯ ОТ УМА» В «ВОЙНЕ И МИРЕ»
Л.Н.ТОЛСТОГО (МОЛЧАЛИН И ДРУБЕЦКОЙ)**

© **Юхнова Ирина Сергеевна (2019)**, ORCID ID: 0000-0003-2835-3070, SPIN-code: 3299-6410, доктор филологических наук, профессор, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Россия, 603600, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, д. 37), yuhnova@flf.unn.ru

В статье рассмотрен социально-психологический тип литературного героя, воплощенный в таких персонажах, как Молчалин и Борис Друбецкой. Целью статьи является установление признаков, свидетельствующих о генетической связи двух данных образов. В ходе сравнительного анализа выявлены черты сходства и различия, охарактеризованы поведенческие стратегии, используемые героями для достижения своих карьерных целей. Отмечается, что наиболее подробно типологическое родство двух героев раскрыл Д.И. Писарев. В своей статье «Старое барство» критик рассматривал Друбецкого как «патологический» мужской тип, «неудовлетворительный» характер, называя его «велико-светским Молчалиным». Основным различием между героями Писарев считал социальный статус, предопределяющий будущий успех Друбецкого и неизменность «лакейской роли» Молчалина. Не соглашаясь с мнением критика, автор статьи подчеркивает, что герои равны как в изначальной социальной маргинальности, так и в возможностях реализации своих притязаний. Устанавливается общность жизненных ориентиров Друбецкого и Молчалина: оба они методично и расчетливо, служа не «делу, а лицам», стремятся построить такую карьеру, которая позволила бы им занять высокую ступень в признаваемой ими социальной иерархии. Сходство поставленных целей обуславливает близость стратегий поведения: оба героя сохраняют дистанцию между собой и другими людьми, умело манипулируют ими, легко переступают через ценности и привязанности, используют личное расположение влиятельных лиц как инструмент продвижения по службе. И Молчалин, и Друбецкой лишены творческого начала: они могут лишь фиксировать и повторять, но не создавать. Делается вывод, что типологическая общность героев объясняется тем, что они порождены одной эпохой; но если Грибоедов первым определил сущностные черты данного типа, то Толстой изобразил его более глубоко, показал его реализацию в кризисных исторических обстоятельствах, принимая во внимание то место, которое со временем заняли чиновники-карьеристы в системе официальной России.

Ключевые слова: А.С. Грибоедов, комедия «Горе от ума», Л.Н. Толстой, «Война и мир», Молчалин, Друбецкой.

«Горе от ума» относится к тем произведениям русской литературы, которые оставили заметный след в культуре не только в виде афоризмов и крылатых слов, широко вошедших в обиход. Прямые и не прямые отражения этого классического произведения в литературе последующих эпох многочисленны, и проявляются они в разных формах и на разных уровнях произведения. К открытиям Грибоедова относят создание новых принципов организации диалогической речи [Винокур 1959; Фомичев 1994]. В частности, именно с ним связывают появление «диалога глухих», который драматург использовал и в фарсовых, и в трагических сценах [Фомичев 2000], и «традицию «открытых финалов» [Лебедев 1980; Медведева 1974; Юхнова 2016]. Грибоедовские типы повлияли и на персонифицированную русскую литературу, на сюжетостроение [Маркович 1988; Тынянов 1946].

«Блики» «Горя от ума» отчетливо видны и в творчестве Пушкина (достаточно вспомнить московские эпизоды «Онегина»), М.Ю. Лермонтова (драмы «Станный человек» и «Маскарад» он пишет, явно ориентируясь на грибоедовскую пьесу). «Свой» вариант «Горя» создает А.Н. Островский («Доходное место»). Вариациями образа Чацкого называют тургеневского Рудина и князя Мышкина. Известны многочисленные воплощения Репетилова, Скалозуба, Фамусова и т.д. В «Кто виноват?» Герцен использует грибоедовский сюжет о клевете. Существовали многочисленные продолжения «Горя от ума».

В творчестве Л.Н. Толстого также слышны отголоски «Горя от ума». «Особую линию преемственных связей» с грибоедовской традицией у него усматривают на уровне сюжетосложения (например, выявляют такую «ситуативную перекличку»: сцена падения Вронского на скачках и смятение Анны – падение Молчалина и волнение Софьи). Но гораздо больше параллелей с комедией «Горе от ума» содержится в «Войне и мире». Это обусловлено рядом причин, и прежде всего тем, что действие комедии и толстовского романа происходит в Москве первых десятилетий XIX века. У Грибоедова это послепожарная Москва, но та, в которой действуют те же типы, что и в допожарной Москве Л.Н. Толстого. М.О. Гершензон в свое время детально охарактеризовал московский контекст комедии Грибоедова, указал на возможных прототипов его героев [Гершензон 1989].

Мы обратимся лишь к одной паре персонажей – Молчалину и Борису Друбецкому, которые уже в первых откликах на толстовский роман были прочно соотнесены. Наиболее детально, подробно типологическое родство двух героев рассмотрел Д.И. Писарев [Писарев 1981]. Статью «Старое барство» он опубликовал, когда роман Толстого еще не был закончен, – это был отклик на живое и незавершенное литературное явление. И критик воспринимает это произведение так, как его мог бы «прочитать» Чацкий. Для Писарева «Война и мир» – «образцовое произведение по части патологии русского общества» [Писарев 1981, 245]. Как считает критик, «в этом романе целый ряд ярких и разнообразных картин, написанных с самым величественным и невозмутимым спокойствием, ставит и решает вопрос о том, что делается с человеческими умами и характерами при таких условиях, которые дают людям возможность обходиться без знаний, без мыслей, без энергии и без труда» [Писарев 1981, 245].

Писарев разбирает «патологические» мужские типы. И свой обзор таких героев начинает «снизу, т.е. с тех фигур, насчет которых разногласие почти невозможно и которых неудовлетворительность будет, по всей вероятности, признана всеми читателями» [Писарев 1981, 246].

Таким персонажем – однозначно «неудовлетворительным» – для него и является Борис Друбецкой (заметим, что чуть выше в иерархии Писарева оказывается Николай Ростов). Он называет его «великосветским Молчалиным» [Писарев 1981, 250] и последовательно сравнивает с героем Грибоедова, выявляя в них как общие черты, так и отличия. При общем типологическом сходстве главным, принципиальным отличием, по мнению Писарева, является разный социальный статус героев и, следовательно, разный уровень их притязаний.

И Молчалин, и Друбецкой бедны, но у Друбецкого есть титул и родство. Он по рождению вхож в те дома, которые для чиновника из Твери изначально закрыты. Такая возможность появлялась у него только в исключительных случаях (в комедии подобного случая Молчалин не упускает). Однако, в отличие от Молчалина, Друбецкой не сам пролагает себе карьерную дорогу: за него это делает мать, которая добивается удачного места службы для сына с помощью писем, просьб, покровительства влиятельных особ. Молчалин же такой поддержки и опоры лишен.

В силу разного социального статуса, по словам Писарева, «первого [то есть Молчалина] будут кормить и презирать; первого будут рядить в шуты; первого не пустят дальше той лакейской роли, которую он на себя принял в близорукое ожидание будущих благ; со вторым, напротив того, будут советоваться; его могут полюбить; к нему могут даже почувствовать уважение; его могут произвести в друзья и наперсники. Великосветский Молчалин, князь Борис Друбецкой идет по этому второму пути и, разумеется, высоко неся свою красивую голову и не мара кончика ногтей какою бы то ни было работою, легко и быстро доберется этим путем до таких известных степеней, до которых никогда не доползет простой Молчалин, простодушно подличающий и трепещущий перед начальником и смиренно наживающий себе раннюю сутуловатость за канцелярскими бумагами» [Писарев 1981, 250].

Оставим без комментариев определение «простодушно» и раннюю сутуловатость (она у Молчалина ситуативная и быстро устранимая). Отметим только, что в таком изложении Молчалин выступает едва ли не как трагичная и обреченная фигура, вызывающая чуть ли не сострадание. А уже потому это определение неточное. Если Молчалин таков, каким он предстает в интерпретации Писарева, он, во-первых, в своем карьерном росте не способен преодолеть стен дома Фамусова, что опровергается самой пьесой: служба при Фамусове (даже при том финале, который дает Грибоедов) для него лишь «трамплин», начало – и это ясно хотя бы из того, как герой говорит о своем знакомстве с Татьяной Юрьевной. Во-вторых, далее должности письмоводителя он не двинется. По сути, Писарев рисует нам образ «маленького человека», который навсегда застрянет на низших ступенях социальной лестницы, меж тем как материал пьесы свидетельствует об обратном, ведь Молчалин с гордостью заявляет Чацкому: «С тех пор, как числюсь по Архивам, три награждения получил...» Именно это неостановимое движение Молчалина вверх фиксировали и все те, кто пытался продолжить его судьбу: Ростопчина, Салтыков-Щедрин...

Таким образом, общее в биографии героев-«молчалиных» – это социальная маргинальность в исходной точке их жизненного старта. Оба недовольны тем, что имеют; и тот и другой стремятся занять более высокое положение, чем то, на которое они в данный момент могут претендовать. И добиваются его целенаправленно, методично

и расчетливо. Они стремятся сделать успешную карьеру, а не реализовать себя в общественно полезной деятельности. Как точно формулирует Д.И. Писарев, Борис «может стремиться только к выгодам, но никак не к идеалу» [Писарев 1981, 263].

И у того, и у другого есть своя «теория карьеры», от которой они не отступают. В ее основе – осознание изначальной иерархичности общества, а потому оба готовы служить, причем служить не «делу, а лицам». Есть у них и понимание «неписанной субординации» (Л. Толстой). Друбецкой это осознает, когда наблюдает за работой Андрея Болконского как адъютанта. Он видит, что адъютант в приемной оказывается важнее, чем армейский генерал или полковник. Молчалин же этот закон выводит из самой структуры московского общества (снова вспомним его упоминание о Татьяне Юрьевне; это же следует из эпизода с Хлестовой).

Оба знают, что не достоинства, личные качества, а **правильное место** определяют успешность движения по карьерной лестнице, а потому стараются получить такое место, которое, во-первых, обеспечило бы их присутствие рядом с властью предержащими, во-вторых, создавало бы ореол успешности. Оба готовы выполнять незаметную работу, которая лишена творчества и в которой не нужна инициатива (это ежедневная бумажно-канцелярская рутина). Но именно точное исполнение таких обязанностей рождает осознание своего влияния, своей власти, когда действуют не напрямую, а через другого – через то влиятельное лицо, помощником, тенью которого они являются. Причем такое теневое положение позволяет даже в большей степени управлять ситуацией, воздействовать на людей, так как оба героя осознают, что вельможа, при котором они состоят, в какой-то момент начинает зависеть от них больше, чем они от вельможи.

И Молчалин, и Друбецкой – службисты. И служба им нравится – нравится прежде всего ее внешняя форма. Они получают удовольствие от бюрократической казуистики. Умеренность и аккуратность возводят в культ. Как точно заметил М.О. Меньшиков: «“Умеренность и аккуратность” – эта фраза сделалась со времен Грибоедова как бы формулой низости...”» [Меньшиков 2002, 206].

Оба, по сути выполняя роль лакея при влиятельном лице, само слово «лакей» подвергают переосмыслению (характерен в этом от-

ношении разговор Бориса с Ростовым, который говорит, что ни за что не поменяет армейскую службу на лакейскую).

У Молчалина и Друбецкого не только одна и та же жизненная цель, но и идентичные поведенческие стратегии, способы выстраивания отношений с людьми.

Прежде всего, оба героя держат дистанцию между собой и другими людьми, в том числе и с теми, кто был им близок. Оба – манипуляторы. Проявляется это по-разному, но именно они скрыто «управляют» ситуацией, определяя ее движение таким образом, что у партнера остается ощущение его решения, его волеизъявления или стечения обстоятельств. Как говорит Софья о своих отношениях с Молчалиным: «...я не старалась. Бог нас свел...».

Это герои «молчаливые», и безмолвие становится их оружием. Так, Молчалин «безмолвием обезоруживает» Фамусова в начальной сцене; таким же безмолвием, а потом восхищением размерами и шерсткой шпица приглушает гнев Хлестовой. «Молчалин торгует своей незлобностью, как католические монахи благочестием», – замечает по этому поводу М.О. Меньшиков [Меньшиков 2002, 206].

Таким же образом – жестом, означающим «я все понимаю, буду молчать», реагирует Борис Друбецкой, узнавший о начале войны.

Во-вторых, обоим героям свойственно то, что можно назвать этической лабильностью. Они умеют переступать через человеческие привязанности и отношения, дистанцируясь от тех, у кого когда-то искали покровительства и поддержки. Д.И. Писарев находит очень точное сравнение Бориса с гимнастом, который поднимается к вершине дерева: он видит то, что впереди, то, что ему предстоит преодолеть, не оглядываясь назад [Писарев 1981, 250-251].

В-третьих, важным инструментом выстраивания карьеры для них является вхождение в домашний круг влиятельного лица. Они становятся «своими» в нужном им доме, входят в ближний круг своего патрона, а также используют расположение женщин, которым «позволяют» себя любить, протектировать им. Они умело конвертируют симпатию женщины в очередной чин или назначение.

Оба героя лишены творческого начала, они не способны создать свое, а потому либо, как Молчалин, переписывают в тетрадочку чужие стихи, чтобы использовать их при случае, либо, как Борис, начинают вести дневник, претендующий на объективное изображение исторического события. Такой дневник как бы утверждает героя

не просто как свидетеля истории, а как человека, причастного к ее свершению. Друбецкой фиксирует события, связанные с заключением Тильзитского мира, но, по точному замечанию И.А. Потапова, «его взгляд на все, что перед ним происходило, оказался очень узким, мелочным и педантичным. Он больше обращал внимание на мундиры, на знаки отличия, на манеры обращения, без проникновения в сущность события. Все подмеченное и занесенное им в дневник выглядит скучным и неинтересным. Толстой явно иронизирует над бедностью впечатлений Бориса, которого занимают малозначительные детали, касающиеся формальной стороны дела. Не случайно Толстой делает его наблюдателем церемоний, связанных с переговорами двух императоров, по существу двух царских дворов с их свитами при «величествах», где внешняя сторона, ритуал и почести выступали на первый план, импонируя понятиям и взглядам карьериста Друбецкого» [Потапов 1970, 284-285].

Безусловно, Борис Друбецкой не калька с Молчалина. Это тот психологический и социальный тип, который начинает активно завоевывать свои позиции в Александровскую эпоху, когда формируется чиновничье-бюрократическая система администрирования, а окончательно утверждается при правлении Николая I. Борис Друбецкой изображен Толстым более глубоко и показан в эволюции, что обусловлено и жанровыми различиями произведений, и тем, что во времена Толстого уже отчетливо обозначилась роль «друбецких» в системе официальной России. У Грибоедова Молчалин – герой комедии, причем отрицательный герой. Друбецкой – персонаж романа, а потому способы раскрытия его характера использовались иные. Он также относится к «нелюбимым» героям Толстого, но писатель наделяет его не только отталкивающими чертами, а показывает и в ситуациях, когда ум и чувство у Друбецкого приходят в конфликтное состояние (встреча с Наташей в Петербурге, женитьба на Жюли Карагиной). Однако ни у кого не вызывает сомнения, что: чувство или расчет – победит в этом поединке. Грибоедов первым воплотил тот тип, который формировался в русской действительности, очертил его «идеологию». Толстой показал, как реализует себя подобный тип чиновника-карьериста в жизни, в кризисных исторических обстоятельствах, когда он уже вполне сформировался и получил мощные рычаги влияния на общество.

Литература

Винокур 1959 – Винокур Г.О. *«Горе от ума» как памятник русской художественной речи* // Винокур Г.О. *Избранные работы по русскому языку*. М., 1959. С. 257-300.

Гершензон 1989 – Гершензон М.О. *Грибоедовская Москва*; П.Я. Чаадаев; *Очерки прошлого*. М., 1989.

Лебедев 1980 – Лебедев А.Л. *Грибоедов: факты и гипотезы*. М., 1980.

Маркович 1988 – Маркович В.М. *Комедия в стихах А.С. Грибоедова «Горе от ума»* // Анализ драматического произведения. Л., 1988. С. 59-91.

Медведева 1974 – Медведева И.Н. *«Горе от ума» А.С. Грибоедова*. М., 1974.

Меньшиков 2002 – Меньшиков М.О. *Оскорбленный гений (По поводу 100-летия со дня рождения А.С. Грибоедова)* // «Век нынешний и век минувший...»: Комедия А.С. Грибоедова «Горе от ума» в русской критике и литературоведении. СПб., 2002. С. 194-215.

Писарев 1981 – Писарев Д.И. *Старое барство* // Писарев Д.И. *Литературная критика*: в 3-х т. Т. 3. М., 1981. С. 245-280.

Потапов 1970 – Потапов И.А. *Роман Л.Н. Толстого «Война и мир». Современное и историческое в романе, проблемы композиции, роль пейзажа*. М., 1970.

Тынянов 1946 – Тынянов Ю.Н. *Сюжет «Горя от ума»* // А.С. Грибоедов. М., 1946. С. 147-188.

Фомичев 1994 – Фомичев С.А. *Комедия А.С. Грибоедова «Горе от ума». Комментарий*. СПб.: Академический проект, 1994.

Фомичев 2000 – Фомичев С.А. *«Горе от ума» в перспективе «золотого века» русской литературы* // Хмелитский сборник. Вып. 2. Смоленск, 2000. С. 178-189.

Юхнова 2016 – Юхнова И.С. *Поэтика финала в драматургии М.Ю. Лермонтова* // Гуманитарные науки и образование. 2016. № 2 (26). С. 135-140.

ECHOES OF «WOE FROM WIT» IN LEO TOLSTOY'S «WAR AND PEACE» (MOLCHALIN AND DRUBETSKOY)

© Yuhnova Irina Sergeevna (2019), ORCID ID: 0000-0003-2835-3070, SPIN-code: 3299-6410, doctor of Philology, professor, N.I. Lobachev-

sky State University of Nizhny Novgorod (37, Bolschaja Pokrovskaja street, Nizhny Novgorod, 603000, Russia), yuhnova@flf.unn.ru

The article considers the socio-psychological type of literary hero embodied in such characters as Molchalin and Boris Drubetskoy. The purpose of the article is to establish signs indicating the genetic relationship of these two images. A comparative analysis revealed similarities and differences, characterized the behavioral strategies the heroes used to achieve their career goals. It is noted that the most detailed typological relationship of the two heroes was revealed by D.I. Pisarev. In his article «Old Nobility», the critic considered Drubetskoy as a «pathological» male type, «unsatisfactory» character, calling him «Molchalin of the high society». Pisarev considered the main difference between the heroes to be their social status, which predetermines the future success of Drubetskoy and the immutability of Molchalin's «menial role». Disagreeing with the opinion of the critic, the author of the article emphasizes that the heroes are equal both in the initial social marginality and in the possibilities of realizing their claims. A commonality of life guidelines of Drubetskoy and Molchalin is established: both of them methodically and prudently, serving not «business, but individuals», strive to build a career that would allow them to occupy a high position in the social hierarchy they recognize. The similarity of the goals determines the closeness of behavioral strategies: both heroes maintain a distance between themselves and other people, skillfully manipulate them, easily step over values and affections, and use the personal favour of influential people as a tool for career advancement. Both Molchalin and Drubetskoy are devoid of creativity: they can only fix and repeat, but not create. It is concluded that the typological commonality of heroes is explained by the fact that they are generated by one era; but if Griboedov was the first to determine the essential features of this type, then Tolstoy depicted it more deeply, showed its implementation in historical circumstances of crisis, taking into account the place that career officials took over time in the system of official Russia.

Keywords: A.S. Griboedov, comedy «Woe from Wit», L.N. Tolstoy, «War and Peace», Molchalin, Drubetskoy.

References

(Articles from Scientific Journals)

Фомичев 2000 – Fomichev S.A. «Gore ot uma» v perspektive «zoloto-go veka» russkoy literatury [“Woe from Wit” in the Perspective of the “Golden Age” of Russian Literature] // *KHmelitskiy sbornik*, 2000, no. 2, pp. 178-189. (In Russian).

Юхнова 2016 – YUkhnova I.S. Poetika finala v dramaturgii M.YU. Lermontova [The poetics of the finale in drama by M.Yu. Lermontov] // *Gumanitarnyye nauki i obrazovaniye* [Humanities and Education], 2016, 2 (26), pp. 135-140. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

Маркович 1988 – Markovich V.M. *Komediya v stikhakh A.S. Griboyedova «Gore ot uma»* [Comedy in verses by A.S. Griboedova "Woe from Wit"] // *Analiz dramaticheskogo proizvedeniya* [Dramatic Analysis]. Leningrad, 1988, pp. 59-91. (In Russian).

Меньшиков 2002 – Men'shikov M.O. *Oskorblennyi geniy (Po povodu 100-letiya so dnya rozhdeniya A.S. Griboyedova)* [Offended genius (On the occasion of the 100th anniversary of the birth of A.S. Griboedov)] // «*Vek nyneshniy i vek minuvshiy...*»: *Komediya A.S. Griboyedova «Gore ot uma» v russkoy kritike i literaturovedenii* ["This century and the past ...": Comedy A.S. Griboedova "Woe from Wit" in Russian criticism and literary criticism]. Saint-Petersburg, 2002, pp. 194-215. (In Russian).

Тынянов 1946 – Tynyanov YU.N. *Syuzhet «Gorya ot uma»* [The plot of "Woe from Wit"] // *A.S. Griboyedov*. Moscow, 1946, pp. 147-188. (In Russian).

(Monographs)

Винокур 1959 – Vinokur G.O. «Gore ot uma» kak pamyatnik russkoy khudozhestvennoy rechi ["Woe from Wit" as a monument to Russian art speech] // Vinokur G.O. *Izbrannyye raboty po russkomu yazyku* [Selected works in Russian]. Moscow, 1959, pp. 257-300. (In Russian).

Гершензон 1989 – Gershenzon M.O. *Griboyedovskaya Moskva; P.Ya. Chaadaev; Ocherki proshlogo* [Griboedovskaya Moscow; P.Ya. Chaadaev; Essays on the Past]. Moscow, 1989. (In Russian).

Лебедев 1980 – Lebedev A.L. *Griboyedov: fakty i gipotezy* [Griboedov: facts and hypotheses]. Moscow, 1980. (In Russian).

Медведева 1974 – Medvedeva I.N. «Gore ot uma» A.S. Griboyedova ["Woe from Wit" by A.S. Griboedov]. Moscow, 1974. (In Russian).

Писарев 1981 – Pisarev D.I. *Staroye barstvo* [Old gentry] // Pisarev D.I. *Literaturnaya kritika* [Literary criticism]: v 3-kh t. T. 3. Moscow, 1981, pp. 245-280. (In Russian).

Потапов 1970 – Potapov I.A. *Roman L.N. Tolstogo «Voyna i mir». Sovremennoye i istoricheskoye v romane, problemy kompozitsii, rol' peyzazha* [Roman L.N. Tolstoy "War and Peace." Modern and historical in the novel, problems of composition, the role of landscape]. Moscow, 1970. (In Russian).

Фомичев 1994 – Fomichev S.A. *Komediya A.S. Griboyedova «Gore ot uma»*. *Kommentariy* [Comedy "Woe from Wit" by A.S. Griboedov. The comment]. Saint-Petersburg, 1994. (In Russian).

Поступила в редакцию 10.10.2019